

ДВЕ ЛИНИИ В ЯЗЫКОТВОРЧЕСТВЕ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ И ИХ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ: ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ, СОЗДАНИЕ
ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Предмет истории литературного языка велик и, главное, многообразен. В анализ входят: выявление диалектной основы кодифицированного языка и иноязычных влияний, сложение и функционирование нормы, взаимосвязь средств выражения и внешней истории общества (включая прогресс просвещения), развитие функциональных стилей, эволюция отдельных уровней языка (особенно лексико-фразеологического), взаимодействие книжно-письменных и народно-разговорных пластов, а также еще многое другое. Из предмета лингвистической дисциплины не может исключаться и оценка вклада в литературный язык отдельных лиц, личностей, которые в силу тех или иных обстоятельств стали творцами языка. Общеизвестна роль А.С.Пушкина как создателя современного русского литературного языка. Не менее известна роль Кирилла и Мефодия, со-

давших в IX в. литературный язык для (в языковом отношении тогда неразделенного) славянства .

Несколько общих предварительных соображений. Ниже, как объявлено в заглавии доклада, исследуются две линии в языкотворчестве славянских первоучителей. Они обе заслуживают внимания не только сами по себе, но и в свете их дальнейшей судьбы в национальных литературных восточно- и южнославянских языках. (Прежде всего речь идет о русском литературном языке, который в своем развитии не знал перерыва постепенности и соответственно в большом объеме хранит Кирилло-Мефодиевское наследие.) Кроме того, научная терминология и поэтические средства выражения, несомненно, наиболее выпукло отражают значение литературного языка как носителя просвещения и культуры. (Иногда этот важный аспект истории литературного языка даже в итоговых публикациях оттесняется на периферию разысканий, о чем приходится сожалеть.) Укажем, наконец, на отчетливую преемственность настоящей работы с нашим же докладом на IX Международном съезде славистов¹. Преемственность не означает повторов и не ведет к несамостоятельности следующего ниже исследования; тем не менее читатель, желающий составить себе более полное представление о переводческой технике и переводческом искусстве солунской двоицы, мог бы обратиться к близким по теме предшествующим публикациям автора².

1. Уже на начальном этапе функционирования вновь созданного литературного языка общеславянского распространения Кирилл и Мефодий, а также их непосредственные продолжатели и последователи перевели с греческого значительный объем текстов, в которых содержится терминология из самых различных областей знания - математики, астрономии, географии, градостроительства, техники, военного дела, финансового дела, биологии, медицины, истории, риторики, поэтики и др. Что касается мировоззренческой, философской и литургической терминологии, - гносеологической, этической, эстетической, логической и прочей, - то она получила особо большое распространение в силу того срединного места, которое занимали в средневековой культуре философско-теологические дисциплины и соответствующие жанры словесности.

Создание славянской терминологической номенклатуры, которая адекватно выражала бы развитые и утонченные понятия византийской учености, стало основной задачей солунских братьев уже в момент перевода самой первой фразы (о чем см. в другом месте³), и эта задача сохраняла свою актуальность на всем протяжении их просветительских трудов. Ее же унаследовали близкие и отдаленные их ученики. Поскольку славянская терминология создавалась, так сказать, в массовых масштабах, Кирилл и Мефодий - сознательно или не сознавая того - выработали ряд приемов перевода, обуславливающих, в свою очередь, специфику терминотворчества.

Первый прием состоит в придании общеязыковой лексической единице (слову или словосочетанию всеобщего языка) терминологического (т.е. специального) смысла; этот прием мы называли т р а н с п о з и ц и е й . Например, слав. миръ получает смысл греч. *κόσμος* и начинает выражать совокупность представлений, характерных не для языческой, а хрис-

тианской космогонии. Аналогично: благо, блаженъ, ближнии, вѣшь, вина, власть, доухъ, доуша, житиѣ, законъ, любзи, нравъ, плъть, родъ, сила, свѣтъ, смъзислъ, уасть и т.д.; за каждым из слов списка "просвечивает" греческий эквивалент. Транспозиция приводит к тому, что термин, синонимичный общепотребительному слову, приобретает новую сочетаемость, свидетельствующую о разрыве с ним.

Второй прием терминотворчества - хорошо известное заимствование греческого термина в славянский язык (конечно, путем фонетико-морфологической адаптации). Подтверждающие примеры, пожалуй, излишни.

Третий прием, который опять-таки нет необходимости подтверждать материалом, - это калькирование, построение новых славянских терминов по греческим словообразовательным моделям.

О четвертом приеме - ментализации, осмыслении - обстоятельно говорилось в нашем докладе на предыдущем съезде. Он заключается в том, что переводчик отрывается от греческой основы и, подыскивая славянское соответствие, дает собственное представление того, о чем, по его мнению, идет речь. Так, греч. ἀνεσπερον φῶς (ключевое понятие в ареопагитической концепции света-славы) путем "нормального" калькирования должно было бы дать (и в поздних переводах мы это видим) *невечернии свѣтъ*, однако в одном из переводов Мефодия читается: *немрачънзи свѣтъ*. Согласно нашей реконструкции механизма перевода, первоучитель посчитал нужным подчеркнуть не отнесенность света к отрезку суток, а его неубывающую природу, что, конечно, свидетельствует о том, в каком направлении работала его мысль. Аналогичные примеры (τύραννος переведен не как *мѣчитель*, а как *гоузитель*, οἰκονομία переводится не как *домоузаконъ*, а как *смотрение* и т.д.), а также необходимые комментарии мы уже опубликовали⁴, так что сейчас ограничимся отсылкой к ним.

Переходим к пятому приему - его мотивированное название (экспликация) поясняется после анализа фактического материала, - который и является предметом рассмотрения в настоящей работе. Этот прием, который, насколько мы знаем, еще не описывался, представляется на вновь вводимом в оборот лингвистическом источнике.

Сначала несколько замечаний относительно этого источника. Собственно, мы имеем в виду "Написание о правѣи вѣрѣ. изоушеное константиномъ блаженымъ философомъ. оучителемъ о бже словѣнскому Жззикоу" - важнейший Кирилло-Мефодиевский памятник, который (фрагментарно) напечатал еще К.Калайдович в 1824 г. Последняя по времени публикация принадлежит К.Кувеву⁵; там достаточно полно указана вся литература вопроса. До самого недавнего времени "Написание" было известно в науке как источник, для которого нет греческой основы, почему оно и считалось (например, тем же Кувевым) подлинным и оригинальным трудом Кирилла, изначально составленным по-славянски. Весной 1986 г. советский исследователь А.И.Юрченко разыскал в творениях Никифора, патриарха Константинопольского (ок. 758-829 гг.), исповедание веры, которое точь-в-точь соответствует славянскому

"Написанию". Таким образом, переводная природа интересующего нас источника стала вполне очевидной. Автор этих строк и А.И.Юрченко осуществили построчное отождествление греческого и славянского текстов и подготовили его к печати⁶. Вслед за многими нашими предшественниками мы не отрицаем причастности Кирилла к "Написанию", однако сейчас, естественно, следует говорить о том, что он выполнил перевод, а не составил исповедание заново. Получив в руки надежный греческий источник славянского перевода "Написания", исследователи дела Кирилла и Мефодия могут теперь приступить к его сопоставительному изучению.

Итак, пятый прием терминотворчества (экспликация) анализируется на основе "Написания о правѣи вѣрѣ". Пользуемся Лаврентьевским сборником 1348 г. К сожалению, в издании Куева в строке 350 содержится пропуск, поэтому начиная со строки 351-ой следует прибавлять единицу (всего в источнике не 373, а 374 строки); номер строки указываем в скобках. Греческий текст приводится по Греческой патрологии Миня (т. 100, колонки 580с-589с). Удовлетворительного текстологического обследования ни славянского, ни греческого текстов пока не имеем, однако значительная близость между ними все же дает возможность с большой степенью вероятности судить о греко-славянских терминологических соответствиях. Сначала комментируются отдельные факты, а теоретическое обобщение оставлено на конец.

"Написание" по жанру принадлежит к числу исповеданий веры; Куев полагает, что Константин-Кирилл составил его перед принятием схимы. Никифор, автор исходного текста, рассуждает о сверхъестественной природе Мессии, который как бог $\delta\pi\epsilon\rho\phi\omega\iota\varsigma \epsilon\tau\epsilon\rho\alpha\tau\omicron\upsilon\rho\epsilon\iota \tau\grave{\alpha} \theta\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$, (215) *паче естества... творѣше чюдеса*. По исчерпывающему словарю Лампе⁷, $\delta\pi\epsilon\rho\phi\omega\iota\varsigma$ означает *in a manner which transcends nature, supernaturally*; следовательно, славянский перевод *паче естества* представляет собой полное смысловое соответствие греческому термину. Это же греч. $\delta\pi\epsilon\rho\phi\omega\iota\varsigma$ встречается в "Написании" еще раз, в том месте, где говорится о деве Марии, $\tau\eta\varsigma \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \sigma\alpha\rho\iota\alpha \tau\omicron\nu \kappa\upsilon\rho\iota\omicron\nu \eta\mu\acute{\omega}\nu... \delta\pi\epsilon\rho\phi\omega\iota\varsigma \tau\epsilon\mu\omicron\upsilon\sigma\eta\varsigma$ (352-354) *рождашша по плѣти гда нашего... възъ всего примышленна*. Собственно, и в этом, втором, случае на первый взгляд следовало бы ожидать *паче естества*; примечательно, что в латинском переводе, которым сопровождается у Миня греческий текст, оба раза равно стоит *supernaturaliter*. Тем не менее применительно к богородице переводчик дает описательный перевод *възъ всего примышленна*. Надо думать, что он предназначался для читателя, еще не привыкшего к мысли о возможности бессеменного зачатия. *Примышлити/примышлѣти* означает⁸, как и соответствующий греч. глагол $\epsilon\pi\iota\nu\omicron\epsilon\iota\nu$, 'придумывать, изобретать, выдумывать', и в этом значении он, вообще говоря, встречается и в "Написании": (165-166) *ετερα τῆς γλασσηνα νινῆς примышлѣшъ се*. Если сопоставить факты, то получается, что переводчик пожертвовал точным смыслом греч. $\delta\pi\epsilon\rho\phi\omega\iota\varsigma$ и решил вместо него дать от себя четкое разъяснение читателям, предостереечь их от возможных (и, видимо, реально бывших) ложных "примышлений" относительно чудесного рождества приснодевой.

Второй пример разберем так же, подробно. В согласии с требованиями жанра Никифор говорит об очень сложном византийском теологуме исхождения св. духа, о том, что его нельзя отделять от первой ипостаси Троицы — отца, и указывает причину: $\delta\iota\alpha\ \tau\eta\nu\ \epsilon\iota\pi\omicron\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\nu$, (53-54) *зана отъ бѣа исходить*. В греч. источнике эксплицитно не сказано, от кого исходит св. дух, но термин $\epsilon\iota\pi\omicron\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\varsigma$ имплицитно содержит такое указание. Согласно Лампе, $\epsilon\iota\pi\omicron\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\varsigma$ — это не просто procession, а только procession of H.Ghost from divine substance of Father, и в словаре содержится множество контекстов, подтверждающих указанную специализацию греч. термина и его закреплённость лишь за первой ипостасью (мыслимого троично) божества. Вероятно, добавив отъ бѣа, переводчик принял во внимание недостаточную зрелость славян-неофитов: для них исхождение еще не было в той мере сопряжено с отцом, что $\epsilon\iota\pi\omicron\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\varsigma$ для византийцев. Эту догадку может подтвердить дальнейшее наблюдение. В "Написании" есть отрезок текста, где $\epsilon\iota\pi\omicron\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\varsigma$, в согласии с "обычной" переводческой техникой, соответствует одно лишь исхождение: (27-29): $\epsilon\iota\nu\omicron\nu\epsilon\epsilon\ \mu\epsilon\ \epsilon\sigma\tau\iota\ \rho\omicron\upsilon\theta\epsilon\iota\sigma\iota\varsigma$. $\delta\lambda\lambda\alpha\ \mu\epsilon\ \epsilon\sigma\chi\omicron\upsilon\theta\epsilon\iota\sigma\iota\varsigma$ ($\epsilon\iota\pi\omicron\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\varsigma$) и $\gamma\alpha\rho$ отъ бѣа ($\epsilon\zeta\ \alpha\iota\tau\iota\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \mu\alpha\tau\epsilon\rho\varsigma$) *едино раждаемое же и исходимое*. Так как здесь из общего контекста вполне видно, от кого проистекает исхождение, переводчику не было нужды в добавке. В первом же случае такая нужда была: мотивом отхода от греч. источника явилось стремление к полной ясности.

Наконец, третий, последний, обстоятельно прокомментированный показательный пример. Дальше материал будет просто перечисляться. Греч. глагол $\mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$ принадлежит к числу высокочастотных и во всех славянских переводах, как правило, имеет соответствием *вѣровати*. Так и в "Написании": (9-10) *вѣроуѣ* ($\mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\omicron\upsilon\epsilon\iota\nu$) *ко оубо въ единого бѣа бца въсѣдръжитѣ*; (154) *нами вѣроуѣмо естъ* ($\mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\epsilon\tau\alpha\iota$). Конечно, встречается и синонимическое варьирование; так, в одном случае употреблен глагол *свѣдѣти*: (69-73) *не въ три когы раставлѣж единого бж(с)тва... свѣршена нъж(а)о отъ сихъ свѣмъ* ($\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\mu\epsilon\delta\alpha$). Есть, однако, в "Написании" такой перевод, в котором налицо далекий отход от греч. источника, — и опять перед нами рассуждение Никифора, содержащее сверхсложный теологумен. Говорится о двуприродности: $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\eta\eta\ \gamma\alpha\rho\ \delta\iota\mu\pi\lambda\acute{\omega}\nu\ \mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\omicron\mu\epsilon\upsilon\omega\nu\ \tau\acute{\omega}\nu\ \omicron\upsilon\sigma\iota\acute{\omega}\nu$, $\delta\iota\mu\pi\lambda\acute{\alpha}\ \kappa\alpha\iota\ \tau\alpha\upsilon\tau\alpha\ \sigma\upsilon\gamma\kappa\eta\rho\acute{\upsilon}\sigma\sigma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, (276-279) *потрѣка бо естъ соугоуѣвома сщѣствама въ истинѣ сщѣма. соугоуѣвы и си съ нима проповѣдати*. Как видим, греч. причастие от $\mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\omega$ соответствует двусловный оборот *въ истинѣ сщѣи*, который, конечно, весьма отошел от формы и содержания греч. источника. Если привлечь к рассмотрению латинский перевод, то здесь имеем обычный однословный аналог: $\delta\iota\mu\pi\lambda\acute{\omega}\nu\ \mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\omicron\mu\epsilon\upsilon\omega\nu\ \tau\acute{\omega}\nu\ \omicron\upsilon\sigma\iota\acute{\omega}\nu$, *duae creduntur substantiae*. Конечно, как и раньше, о мотивах "свободного" перевода можно лишь догадываться, однако нет сомнения в том, что славянская версия является предельно ясной, недвусмысленной, даже, скажем так, непреклонной. Вот уже, по нашим наблюдениям, в третий раз переводчик отклоняется от греч. исходного тек-

ста, - которого, вообще говоря, он строго держится, - ради полной ясности славянского перевода.

Патриарх Никифор, составитель греческого источника "Написания", раскрывает, среди прочего, типичную для византийской учености символику света: $\omega\varsigma \phi\omega\varsigma \epsilon\mu\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\nu \epsilon\kappa \phi\omega\tau\acute{o}\varsigma \rho\rho\epsilon\lambda\theta\acute{o}\nu, \epsilon\nu \upsilon\pi\epsilon\rho\kappa\acute{o}\sigma\mu\iota\omicron\nu \tau\rho\iota\sigma\phi\epsilon\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\varsigma \kappa\alpha\iota \tau\rho\iota\sigma\eta\lambda\iota\omicron\nu \phi\omega\varsigma,$ (30-33) тако свѣтъ котороеж(а) о отъ свѣта прошедъ: единъ свѣтъ надъ всѣмъ миромъ. тръмсвѣнъ и тръслънѣнъ. Кирилл, предполагаемый славянский переводчик, по крайней мере трижды проясняет, т.е. делает более определенным, этот греч. исходный текст. Он подтягивает друг к другу разделенные в источнике числительное $\epsilon\nu$ (единъ) и относящееся к нему существительное $\phi\omega\varsigma$ (свѣтъ). Он вместо $\tau\rho\iota\sigma\phi\epsilon\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\varsigma$ (буквально: трисвѣтелъ) дает тръслънѣнъ, а последний образ, несомненно, больше впечатляет, да и хорошо согласуется с тръмсвѣнъ. Наконец, $\upsilon\pi\epsilon\rho\kappa\acute{o}\sigma\mu\iota\omicron\varsigma$ переведено не калькой (типа надъмиренъ), как в лат. *supermundialis*, - а до смысла кальки-неологизма всегда приходится добираться, - греч. сложное слово передано расчлененным и вполне разумительным словосочетанием надъ всѣмъ миромъ.

Никифор свидетельствует о возможностях согласования априорных истин с разумом: $\epsilon\nu\sigma\epsilon\beta\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \upsilon\gamma\iota\alpha\lambda\nu\nu\nu\tau\epsilon\varsigma,$ (104-105) благовѣроужъ и заравъ сзи оумомъ. Вот это перевод так перевод! $\upsilon\gamma\iota\alpha\lambda\nu\nu$ встречается в патристической литературе и, по Лампе, означает: *be sound, healthy*. Если бы вдохновенный переводчик не прибавил вытекающее из смысла, но эксплицитно отсутствующее в греческом пояснение оумомъ, то читатель, скорее всего, остался бы в недоумении, - ведь заравъ/сзаравъ означает обычно телесное здоровье.

Аналогичное отчетливое стремление избежать двусмысленности заметно у Никифора в месте, продолжаящем анализ двуприродности: $\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\tau\rho\epsilon\pi\tau\omicron\varsigma \chi\rho\mu\alpha\tau\iota\varsigma \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \tau\eta\nu \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\tau\eta\tau\acute{\alpha} \acute{\alpha}\rho\alpha\theta\eta\varsigma \mu\acute{\epsilon}\nu \delta \alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \tau\eta\nu \theta\epsilon\acute{o}\tau\eta\tau\alpha,$ (212-214) сзврженъ и непрѣложенъ взъвъ по ѣльвствоу. не приемла сѣр(с)ти по ѣж(с)твоу. $\acute{\alpha}\rho\alpha\theta\eta\varsigma$ - сложный термин; у Лампе, наряду с переводом, содержится развернутое истолкование: *impassible, incapable of suffering; being free not only from pain and emotion but also from any other form of passivity*. $\acute{\alpha}\rho\alpha\theta\eta\varsigma$, вообще говоря, имеет славянский эквивалент-кальку *зестрастенъ* (она встречается, например, в Супрасльской рукописи), однако о смысле любой кальки, как мы сказали раньше, надо гадать. Отказавшись от нее и употребив на месте одного греч. слова двусловный славянский оборот, переводчик, вне сомнения, сделал свой текст более ясным, чем исходный. Остается заметить, что и катафатический термин $\rho\alpha\theta\eta\tau\acute{o}\varsigma$ также переводится двумя словами: (218-219) приемла сѣр(с)ти по ѣльвствоу възпльти во сѧ; приемла сѣр(с)ти соответствует $\rho\alpha\theta\eta\tau\acute{o}\varsigma$.

Еще примеры придания смыслам фраз большей определенности. Говорится о поклонении - $\delta\mu\omicron\tau\iota\mu\acute{o}\nu \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \sigma\upsilon\nu\theta\rho\omicron\nu\nu,$ $\rho\rho\sigma\mu\upsilon\nu\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\nu \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \lambda\alpha\tau\rho\epsilon\upsilon\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\nu,$ (43-45) равноустьномоу и равнопрѣстолномоу. кланѣние приемлашоу и слоужеж. Как видим, однословному греч. причастию соответствуют два слав. слова - кланѣние приемлашоу. Говорится о различиях

свойств - ὁ λόγος... ὃ δὴ ἐπὶ τῶν ἑτεροφῶν διαφαίνεται, (295-297) слово... еже о размыслѣнѣхъ естъствѣхъ гавлѣет сѧ. Опять-таки легко заметить, что греч. ἑτεροφῆς соответствует не славянское слово-калька, а сочетание двух слов. Хотя этот прием перевода одного греч. слова двумя славянскими и не встречается на каждом шагу, все же его можно наблюдать не раз и не два. И каждый раз налицо стремление прояснить ситуацию. Например, в одном чтении Никифор отклоняет от себя воображаемое обвинение в идолопоклонстве и у него вырывается восклицание ужаса ἀπαγε, которое, будучи производным от глагола ἀπάγω 'отводить, уводить', означает нечто вроде 'ни в коем случае'; переводчик дает абсолютно однозначный и весьма идиоматичный эквивалент (339-340) да не бѣдетъ. Заканчивая рассмотрение фактического материала, приведем список соответствий типа "одно греч. слово - два славянских": ἀλλοτριῶ - (51, 53) тоужда творити, ἀρχέτυπος - прѣвзын образъ (347), θεολογία - бжне слово (110), θεοσημεῖον - бжне знамение (286), λατρεύω - слоужѣхъ принмати (45), νοσέω - вѣпасти въ не-дѣлѣхъ (317), οἰκείω - свое створити (201, 222).

Таким образом, рассмотренный нами фактический материал является качественно однородным; следовательно, перед нами некоторый самостоятельный феномен переводческой деятельности. Кроме того, этот феномен, не будучи высокочастотным, все же повторяется в достаточной мере. Эта его качественная и количественная определенность позволяет говорить о приеме перевода, отличном от четырех выше описанных других переводческих приемов - транспозиции, заимствования, калькирования и ментализации. С внешней стороны этот прием состоит в том, что одному греч. слову ставятся в соответствие два (редко три) славянских. С внутренней стороны прием заключается в придании результирующему славянскому тексту - по сравнению с исходным греческим - большей определенности. Переводчик предвидит, что, если он сохранит исходную форму, то в восприятии читателя возникнет двусмыслица, недопонимание или даже полное непонимание - тот самый "соблазн" (σιάνδαλον), "искушение" (πειρασμός), которые по средневековой этике совершенно недопустимы. Поэтому переводчик, отказываясь соблюдать "букву", принимает меры, чтобы точно и полно сохранить "дух", опережающим образом сняв возможные недоумения. Этот переводческий прием, в аспекте формы заключающийся в увеличении количества номинативных единиц, а в аспекте содержания состоящий в придании тексту большей ясности, т.е. прием, назначение которого состоит в *рзвъясненнн* переводимого текста, соответственно и предлагается назвать **э к с п л и к а ц и е й**.

Прием экспликации не есть характерная черта одного лишь "Написания". Он наблюдается, в частности, уже в евангельских текстах - источнике, несомненно восходящем к переводческой деятельности Кирилла и Мефодия. Соответствующий материал мы частично исследовали раньше⁹, поэтому воспроизведем его весьма кратко. Цитируется Маринское евангелие по известному изданию И.В.Ягича. Предприняты незначительные графические упрощения.

Сначала об экспликации греческих терминов из области (народной) медицины. В Лк 14,1-2 говорится об исцелении больного водянкой: καὶ τὸν ἄνθρωπος τις ἦν ὑδρωπικός ἐμπροσθεν αὐτοῦ, (14,2) и се ѿлвкъ единъ нмы водънзи троуаъ. въ прѣаъ нимъ. Ὑδρωπικός - это, по Бауэру¹⁰, wassersüchtig, медицинский термин, употреблявшийся (со времен Гипократа) врачами, но известный и в народе. Первоучители, очевидно, не нашли готового славянского названия для соответствующей болезни, поэтому прибегли к экспликации; в итоге на месте одного греч. слова имеем три славянских: нмы водънзи троуаъ. Синоптики (Мф 9,1-8; Мр 2,1-19; Лк 5,17-26) повествуют об исцелении расслабленного. По-гречески страдающий параличом называется одним словом - паралутиκός: προσέφερον αὐτῷ παραλυτικόν (Мф 9,2); ἔρχονται φέροντες πρὸς αὐτὸν παραλυτικόν (Мр 2, 3). В переводе появляется второе, уточняющее, слово - ославленъ жилами: принѣса емоу ославленъ жилами; приаъ къ нему носаште ославленъ жилами. Подобное же добавление можно встретить в Мф 4,24 (при именовании различных больных). Переводчики, скорее всего, посчитали, что без уточняющего слова вид болезни останется для славян неясным. Ради оценки искусства перевода следует заметить, что как только в начале повествования о расслабленном сделано необходимое пояснение, дальше переводчики уже полагаются на память читателя и отказываются от него: одръ на немъже ославленъи сълежааше (Мр 2,4); Гла ославленоумоу (2,5.10); что еста оудовѣ рещи ославленоумоу (2,9). Последний из рассматриваемых нами, третий, медицинский термин особенно интересен. Синоптики (Мф 17,14-21; Мр 9,14-29; Лк 9,37-43) согласно рассказывают об исцелении бесноватого отрока, но лишь у одного из них (у Мф) есть упоминание о том, что бесноватый - лунатик: Κύριε, ἐλέησον μου τὸν υἱόν, ὅτι σεληνιαζέται καὶ κακῶς πάσχει, (Мф 17,15) Гл. помилуйи снъ мой. Ъко на новъи мѣсца вѣсноуетъ са и зълѣ стражаецъ. Как видим, одному греч. σεληνιαζομαι соответствуют три полнозначных славянских слова - на новъи мѣсца вѣсновати са. Конечно, перед нами явный случай экспликации. Однако текст привлекает к себе внимание прежде всего тем, что в нем отразился уровень медицинских знаний, характерный для переводчиков и, скорее всего, также и для славян IX в. Сомнамбулизм поставлен в зависимость от влияния лунного света на человека, и оказывается, что особое значение придавалось лишь фазе Луны, следующей за новолунием, - молодому месяцу.

Ἀποστάσιον, по Бауэру, - ein Scheidebrief, причем это ein Ausdruck des Rechtslebens. Первоучители в соответствие ставят два слова: δότω αὐτῇ ἀποστάσιον, (Мф 5,31) иже аште поуститъ женъ своаъ. да дастъ ей книгъи распоустънъиа. Правда, в двух других чтениях (Мф 19,7 и Мр 10,4), в которых упоминается тот же ветхозаветный закон, греческий источник содержит упоминание о βιβλίον. В ссылке на ветхозаветный декалог сказано: (Мф 5, 33) ἐρρέθη τοῖς ἀρχαίοις, οὐκ ἐπιорήσεις. Переводчики дают двусловный перевод ἐπιорκήω: речено къи(с) дръвннимъ. не въ лъжж кълънеши са. Аналогично: (Мф 5,40) καὶ τῷ θέλοντί σοι κριθῆ-

ναί, и хотящѹмоу сѣдзъ при҃гати сѣ тобоу. Еще раз аналогично: (Мф 5,44) προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν ἐπηρεαζόντων ὑμᾶς, (Микл. П) молитѣ за творашта҃га вамъ напасти, причем у синоптика (Лк 6,28) при совпадающем греч. тексте переводчики употребили иное опорное слово, но по-прежнему прибегли к двусловному соответствию – молитѣ сѣ за творашта҃га вамъ обидѣ. Примечательно, однако, что в Саввиной книге в Мф 5,44 находим и однословное (явно искусственное, неуклюжее, может быть, принадлежащее справщику) соответствие: молитѣ за брѣтѣ о напастьствоу҃гѣщиу҃з вамъ. В настоящем абзаце мы кратко рассмотрели прием экспликации на материале правовой терминологии, представленной в Евангелии. Нетрудно заметить, что качество приема ничем не отличается от эксплицирования медицинских терминов.

Итак, среди переводческих приемов Кирилла и Мефодия, в том числе приемов формирования терминологии, установлен еще один, по общему счету пятый, – экспликация. Он приводит, как сказано выше, к увеличению количества однозначных слов в результирующем тексте и к возрастанию его определенности, вразумительности. Экспликация – это не технический, рутинный, регулярно повторяющийся прием, а подлинное творчество. С этой точки зрения она подобна ментализации¹¹. Каждый из случаев перевода, рассмотренных нами, в известном смысле единичен, уникален. Специалисту, вжившемуся в греко-славянские сопоставления, отчетливо видно, какая умственная работа и какое дерзание стоит за переводческим решением. Иными словами, приемы экспликации и ментализации, в отличие от транспозиции, заимствования и калькирования, не могут рассматриваться как переводческая техника. Перед нами подлинное, высокое переводческое искусство. Искусство языкотворчества.

2. Обращаемся ко второй линии в языкотворчестве Кирилла и Мефодия – к созданию поэтической традиции. Здесь мы также продолжаем разыскания, начатые в докладе на IX Международном съезде славистов. (Соответственно там см. ссылки на литературу вопроса).

В переведенной Мефодием гомилии "Слово о сошествии во ад" Епифания Кипрского (далее *Епифаниева гомилия* сокращенно записывается как ЕГ) воспроизводятся гомеотелевты (сходноконечные колонны и периода) исходного текста. Ср., например:

* ὑπὲρ νεκροῦ παρακαλῶ	О мрътвѣ молѣ
ὕπὸ πάντων ἀδικηθέντος,	отъ всѣхъ обидѣ принимшоу,
ὕπὸ φίλου παραδοθέντος,	отъ дру҃га пре҃даноу бзѣвшоу,
ὕπὸ μαθητοῦ προδόντος,	отъ оу҃ченика пр(о)даноу,
ὕπὸ ἀδελφῶν διωχθέντος...	отъ брѣтна изгнѣнаноу...

В указанном докладе, а также в иной публикации¹², мы привели довольно много материала; сейчас ограничимся еще

одной выпиской - в ней колонны значительно пространнее. Греческий текст, ради экономии места, пришлось опустить.

и ови тѣмница отъ самѣхъ основани раскопавадѣхъ,

ови же противънзѣа силъзѣ гонѣадѣхъ, [...]

и инни прѣисподѣнага хранилишта и нзѣришта и пешти

искадѣхъ и теудадѣхъ,

и ови дроуѣзъ дроуѣга инѣдоу съвазѣнага господевѣи привожадѣадѣхъ,

и инни мѣжителѣга вѣздѣадѣхъ,

и дроуѣзни вѣвѣнзѣа съвазѣна испоуштадѣадѣхъ, [...]

и ови вѣходаштоу вѣнѣтрѣнѣдоу господу прѣдѣтеудадѣхъ,

ови же гако богоу и цѣсароу и поѣдѣителю прѣстогадѣхъ.

Легко замечается, что среди приемов художественности в ЕГ используется изоколия, или равенство колонов (соотнесенных отрезков поэтического текста). Для изоколии, вообще говоря, характерны три признака, описанные еще первым теоретиком греч. риторики Горгием Леонтийским, а именно: относительная соотнесенность отрезков по объему; тождественность синтаксических конструкций; одинаковость ритма. В ЕГ к этому прибавляется еще эвфонетическая согласованность колонов между собой - они имеют или единоначатие (ὁμοιοαριτέον), или единоокончание (ὁμοιοτέλευτον), или (как в наших примерах) и то и другое одновременно; таким образом, в число приемов создания изоколии входит еще и сходноконечность, краесогласие.

Сходноконечность - это (скажем еще раз) возможное наличие гомеотелевтов, того явления, которое в современных терминах называется грамматической рифмой. Гомеотелевты представляют собой повтор одного и того же морфологического элемента, а подобие лексических основ при этом не обязательно.

В предыдущих публикациях мы стремились показать, что Мефодий, работая над переводом ЕГ, воспроизводил не только смысл исходного художественного текста, но и его внешнюю форму. Поэтому он прибегал к передаче славянскими средствами гомеотелевтов, которыми в изобилии украшено творение Епифания. Иными словами, по нашему мнению, к первоучителям, к IX веку, восходит поэтическая традиция вновь созданного общеславянского литературного языка.

Речь идет именно о традиции. Действительно, сознательные повторы одного и того же морфологического элемента ради эвфонетического эффекта можно наблюдать не только в переводных, но и в оригинальных славянских произведениях. Например, в "Слове о законе и благодати" Киевского митрополита Илариона: (Князь Владимир повелел) вѣсѣмъ вѣзѣти хр(с)тианомъ

малѣимъ и великѣимъ.

рабом и свободнѣимъ.

жнѣимъ и старѣимъ.

богаромъ и простѣимъ.

бѣгатѣимъ и оубогаѣимъ.

капища роуѣроушадѣхъса.

и цркви поставладѣхъса.

идоли сѣкроушадѣхъса.

и пконѣи стѣнѣхъ гавладѣхъса.

просѣимъ подаваа.

нагѣа одѣваа.

жаднѣа и алѣунѣа насѣщаа.

колашимъ всако оуѣтшенне посѣлада.

должнѣа искапаа.

рабонтѣимъ свободоу даа.

...

И в "Слове" Илариона немало и других примеров подобной намеренной "игры" гомеотелевтами¹³. Такая же "игра" свой-

ственна также другим славянским художественным текстам. Начало традиции, как сказано выше, по всей видимости, отскакивается в деятельности Кирилла и Мефодия. Сейчас нас интересует протяженность этой традиции во времени. Похоже, что мы можем указать на ее конечную точку.

Во второй половине XIX в. (во всяком случае после 1868 г., а вероятнее в 80-х гг.) в староверческой среде возникла "Повесть дивная", введенная в научный оборот Н.Н.Покровским¹⁴. В ней описывается мученический подвиг некоего Владимира Трегубова, прогнанного сквозь строй. В похвале уральскому казаку Владимиру употреблен тот же прием художественности, что и в Иларионовой похвале великому князю Владимиру:

А третий же брат их бе леты онех младейший,

а разумом и смыслом острейший.

Юности бе плоти своя аки дивный виноград цветяше,

а в разуме же яко красная девица в царском чертозе седяше.

Мужеством плоти своя по закону царскому вся воинския

хитрости проходяше,

а духом же аки высокопарный орел на высоту небесную

возлеташе.

И сердечныма очима вся доле плещущая ясно обзираше

и вся многохитростныя прелести суетнаго мира сего со

удобством разумеваше.

И таковыя ради остроты разума его и душевнаго устроения

всеми чтим и любим бяше,

понеже бо он во всякое время и на всякое дело благо-

потребен бываше...

...градстии людие и вельможи яко славнаго властелина

того почиташу,

прости же человеци аки грознаго судию его имеашу,

а разумнии же яко премудраго философа того познавашу.

И вси от мала даже до велика со удивлением к нему

притекашу

и сладкия беседы и медоточных словес в сладость

послушаху.

Нельзя сказать, чтобы "Повесть дивная" на всем протяжении имела установку на эвфонетический эффект, однако похвала определенно свидетельствует о сознательной постановке гомеотелевтов на поэтически сильные позиции текста. Иными словами, хотя бы в старообрядческой среде поэтический прием, введенный славянскими первоучителями и восходящий к византийской книжности, продолжал употребляться еще в конце XIX века! Традиция IX века обрела жизненную силу ровно на тысячу лет!

В настоящем докладе мы сосредоточились лишь на временном размахе традиции. Если же подойти к ней с другими мерками, то гомеотелевты представляют собой шаг на пути к самостоятельной стихотворной речи, приведший к возникновению славянской силлабической поэзии. Следовательно, значение Кирилло-Мефодиевской поэтической традиции для славянской духовной культуры просто невозможно переоценить.

Создание нового литературного языка всегда коллективно. В конечном счете именно народ — языкотворец. Не может быть в том никакого сомнения. И одновременно вклад отдельного человека способен стать для литературного языка судьбоносным. Терминология и средства поэтической выразительности — линии в языкотворчестве, несущие на себе особенно отчетливый отпечаток личности.

Конечно, при условии ее гениальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Верещагин Е.М.* К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей. Доклад на IX Международном съезде славистов. М., 1982.
- ² *Верещагин Е.М.* Начальный этап формирования философской терминологии в общеславянском литературном языке (IX-XI вв.) // Международный конгресс по балгаристике. Доклады. Симпозиум "Кирило-Методиевистика и старобългаристика". С., 1982; *Он же.* К проблеме краесогласия слов в византийской гимнографии (в связи с анализом рифмы в древнеславянских переводах) // ВЯ, 1984, №4; *Он же.* Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985; *Он же.* Повтор как поэтический прием в переводах Мефодия // *Byzantinoslavica*, 1985, 46, I.
- ³ *Верещагин Е.М.* К дальнейшему изучению... С. 26-27.
- ⁴ Там же. С. 40-44.
- ⁵ *Кувев К.* Иван Александровият сборник от 1348 г.С., 1981.
- ⁶ Фрагментарную публикацию см.: *Верещагин Е.М., Юрченко А.И.* Найден греческий источник "Написания о правой вере" Константина-Кирилла Философа // Сов. славяноведение, 1988, № 4. Авторы подготавливают и полное параллельное (греко-славянское) издание.
- ⁷ *A Patristic Greek Lexicon/ Ed. by G.W.H.Lampe.* Oxford, 1976.
- ⁸ Здесь и дальше опираемся на словарь: *Slovník jazyka staroslověnského.* Pr., 1958.
- ⁹ *Верещагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972. С. 88-111. По сравнению с указанной монографией наша современная интерпретация материала претерпела изменения.
- ¹⁰ *Bauer W.* Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. В.; N.Y., 1971.
- ¹¹ При довольно большом подобии, ментализация и экспликация — это разные переводческие приемы. Ментализация от-

ражает степень и качество интерпретации (понимания) исходного текста переводчиком и не сопряжена с сознательной установкой на разъяснение.

¹² *Верещагин Е.М.* К дальнейшему изучению... С. 10-14; *Он же.* Повтор как поэтический прием... С. 52-56.

¹³ Выписки были произведены из кн.: *Молдован А.М.* "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984. С. 93-95. См. также: *Идейно-философское наследие Илариона Киевского.* М., 1986. Ч. I. С. 28. Текст воспроизводится с незначительными упрощениями.

¹⁴ *Покровский Н.Н.* Биография оренбургского казака. Статья первая// Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984; *Он же.* Биография оренбургского казака. Статья вторая. Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985; *Он же.* Путешествие за редкими книгами. М., 1984. Выписка выполнена по последнему источнику (С. 121-122) с теми упрощениями текста, которые принял для себя Н.Н.Покровский.